

Дарья К.

ДО
и
ПОСЛЕ

ПОТОМУ ЧТО БЕЗ НАЧАЛА
НЕ СУЩЕСТВУЕТ КОНЦА

Дарья К. До и После

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69930940

SelfPub; 2023

Аннотация

История о Хранителях, выполняющих свою повседневную работу: рождение человечества и его смерть.

Дарья К.

До и После

– Эй, Смерть, – крикнул *До* с другого конца коридора, отчаянно размахивая одной рукой, а другой укачивая новорожденного.

– У человечества нет названия для того числа раз, сколько я тебя просила меня так не называть, – буркнула *После* в ответ, просматривая таблицу имен на одной из своих стен.

Жизнерадостность *До* ее утомляла и казалась маской, которую хотелось сдернуть с его лица. В этом столетии он казался ей особенно невыносим.

– Почему им можно тебя так называть, а мне – нет?

Он будто и правда был озадачен этим вопросом. И *После* даже могла бы в это поверить, если бы только он не разыгрывал эту сцену на протяжении уже многих лет. Но иногда ей нравилась эта маленькая игра. Шалость, которую можно позволить себе только во время работы в «этом мире».

– Потому что у них нет для меня другого имени.

К сожалению.

– Много у тебя? – спросил *До*, подходя ближе к стене с именами и все еще одной рукой укачивая ребенка.

От покачиваний его плечо иногда задевало плечо *После*.

– Столько же, сколько и обычно. Из графика не выбиваются.

Каждые несколько секунд имена сдвигались на одну позицию вниз, напоминая бесконечный алгоритм букв.

– А у тебя? – спросила *После*, поворачиваясь всем корпусом к *До*.

Он сюсюкался с ребенком, нежно касаясь его маленького розового носа. *После* дернула плечами. Такие нежности так и остались для нее непонятными. Ее максимум – держать кого-то за руку при острой необходимости, когда-то кто-то пытался сбежать или был настолько напуган, что не мог идти. Но ей сложно было представить, чтобы она сюсюкалась с кем-то так же, как это делал *До*. Ему было плевать на возраст людей. Они все ему казались милыми младенцами, даже если орали без причины или намазывали козявки на стены. Человечество его забавляло.

– Столько же, сколько и обычно, – повторил фразу *После* *До* и улыбнулся ей, отводя взгляд от заснувшего малыша, – хочешь побаюкать?

После сморщила нос и отошла на шаг. Прикосновения означали прощание. *До* знал, что реакция будет такой. Она всегда такая. Но из года в год, из человеческого дня в человеческий день он всегда предлагал ей своих подопечных.

– Тебе идет зеленый, – сменив тему, сказал он, оглядывая *После* с ног до головы.

Изумрудный бархатный костюм оттенял бледность ее кожи. Ему нравилось, что в этом отрезке времени она выбрала женскую оболочку. Хотя ему нравился любой ее облик. Ему

всегда все нравилось. Но этот зеленый приталенный пиджак действительно ей шел.

– А говорила, что все человеческое тебе чуждо, – пошутил он, свободной рукой щупая ткань.

Прикосновения для него были всей жизнью. *После* аккуратно высвободила край пиджака из длинных пальцев *До*, смущенная комплиментом.

– Их одежда мне нравится.

– Меняй образы почаще, пока у тебя есть время, – и на этих словах *До* щелчком пальцев сменил свою одежду с официального костюма глубокого синего цвета на светлые джинсы, кеды и темно-зеленую клетчатую фланелевую рубашку.

После хмыкнула, но новый образ оценила. Ей была непонятна одержимость *До* всем тем, что придумывало человечество. И особенной его страстью была одежда. Иногда он проводил целые дни бесконечно шелкая пальцами и меняя то ткань, то узор, то весь образ за раз. От такого калейдоскопа *После* иногда мутило. На фоне ее бледных стен он всегда выглядел как радуга.

– И как же ты будешь жить без твоего любимого шелка, когда ты отсюда уйдешь? – спросила она, иронично поднимая бровь, – тебе придется начать все с начала и не факт, что в твоей новой жизни будет любовь к одежде.

– Поэтому я и говорю. Наслаждайся моментом, *После*. Вдруг такого больше не повторится.

Оптимизм *До* был непоколебим. И *После* была уверена,

что дело в его работе. Сотни лет одной и той же работы оставили на нем свой отпечаток. Его почти всегда встречали с улыбкой. Он часто был желанным посланием для людей. Его ждали, о нем молились, к нему готовились. К встрече с *После* тоже готовились. Но ее редко кто-то ждал и уж тем более с улыбкой.

– И не жаль тебе, что все заканчивается? – спросила *После*, отгоняя от себя грустные мысли.

Постоянные мысли.

Она начала перебирать имена на стене, относя одни в одну сторону, другие в другую. *До* пожал плечами. Ребенок у него на руках заворочился и пустил слюни, вызвав у *До* легкую улыбку.

– Жаль, – честно ответил он, – а тебе разве нет?

– Нет.

– Совсем к этому всему не привязалась?

Они редко поднимали тему перехода. И редко, когда говорили о ней честно и без шуток со стороны *До*.

После отрицательно покачала головой, задумавшись над одним именем. Оно для нее было лишь очередным в списке, а у человека с ним вся жизнь прошла.

– Манон, – мечтательно протянул *До*, взглянув на стену, – девяносто два прожитых года. Да еще каких!

– И все впустую, – оборвала его *После*, отправляя имя в левую сторону.

До вдруг дернулся, но сразу же успокоился, вспомнив, что

все еще держал в руках ребенка.

– Почему ее в начало? – он проследил как имя растворилось в сером свечении, – она ведь полностью раскрыла свой потенциал. Столько работ, столько заслуг...

– Ты ведь знаешь, что иногда этого недостаточно? Я лишь распределяю их, но не определяю их дальнейшее существование.

До заметил, как *После* чуть ссутулила плечи и, занеся руку над очередным именем, на долю мгновения застыла. Он ничего не сказал. Просто продолжил смотреть, как в тишине она методично разбрасывала имена то вправо, то влево, стараясь не давать себе возможности вспомнить этих людей.

Эвелин Бачовски.

Росс Уорен.

Мария Жукова.

Роберт Грин.

Софи Дюбуа.

Квон Тэхен.

До не мог отвести взгляда от имен. И не мог перестать вспоминать каждого. Врач, писатель, экономист. Грабитель, ветеринар, пожарный. Информация об этих людях потоком вырывалась из памяти *До*, заставляя его заново проживать их жизни. Неужели это то, что *После* делает постоянно? Она вдруг прислонила ладонь к его глазам, закрывая обзор на стену имен.

– Лучше не смотри так пристально.

Она коснулась подбородка *До* и отвернула его лицо от списков. *После* видела в его глазах блики чужих жизней. Ребенок у него на руках захныкал и вернул *До* к его реальности. Он аккуратно кончиками пальцев погладил малыша по щеке и прислонился своим лбом к его, словно это был его младенец. Хотя так и было. Для него они все были его детьми.

В коридоре послышался шум, и *После* удрученно вздохнула, привычно засучивая рукава.

До редко приходил на ее сторону, обычно они встречались посередине. Но чем ближе был переход, чем чаще он заглядывал к ней, заходя все глубже в коридор. Туда, куда, возможно, однажды уйдет и он сам. Или уже уходил, хоть этого и не помнил.

– Какого черта! – отразился от стен голос.

– Постой тут, – бросила *После* *До*, мягко отодвигая его за себя, – у меня так каждый день.

Даже спустя столько лет этой работы *После* никак не могла свыкнуться с тем, что она переняла многие человеческие выражения, исчисление времени и некоторые эмоции. А может и не переняла, а просто вспомнила. Никто так и не смог ей сказать, была ли она здесь раньше, и шла ли она по этому коридору хоть раз.

Из-за угла появился мужчина в черном костюме, из его классического портфеля торчали кипы бумаг. Сломавшийся замок их не удерживал, и они разлетались вокруг, застилая собой пол и тут же исчезая.

– У меня нет на это времени, – проворчал он так, будто кто-то его послушает, – на кону сделка. Я шел к этому несколько лет.

После понимающе кивнула. Она всегда их понимала, но помочь не могла. На ее губах появилась дежурная улыбка, словно она была просто обслуживающим персоналом, которому хотелось угодить клиенту. В упрощенном понимании так оно и было. Все проходящие – клиенты. А она – их проводник, слуга, помощник, страж и наказание.

– Знаю. Но, к сожалению, ничем не могу помочь.

Она произносила эту фразу несчетное количество раз. И ей хотелось уже повесить ее на входе, словно слоган.

Мужчина обратил на нее взгляд и в удивлении попятился.

– Мириам? – шепотом спросил он.

До с таким же удивлением посмотрел на *После*. Сейчас он видел ее так, как она выглядела в глазах этого мужчины. Перед ним стояла девушка с золотистой загорелой кожей, каштановыми волосами и карими глазами, полными любви. Он видел переход впервые.

– Почему ты здесь? – задал еще один вопрос мужчина, неловко приглаживая волосы и поправляя съехавший галстук.

– Я здесь, чтобы проводить тебя.

Он сглотнул и сделал шаг навстречу *После*. Он видел свою жену. Любовь всей его жизни. Теперь действительно всей. До конца. Мужчина протянул руку к *После*, и той пришлось

сделать над собой усилие, чтобы протянуть руку в ответ. Касания – это всегда прощание. Он сжал ее ладонь, и все его воспоминания пронеслись перед *После* так, словно она была их частью. Она нервно вздохнула, но руку не отпустила. Она никогда не отпускала.

– Но почему сейчас? – спросил мужчина, поглаживая большим пальцем тыльную сторону ладони своей жены.

После ненавидела этот вопрос так же, как ненавидела вопрос «почему я». Она не знала почему. За столько лет она так и не поняла, по какой системе многие люди появлялись в ее коридоре. И ей нечего им было ответить.

– Так нужно, Дэниэл, – нежно ответила она, прикасаясь ладонью к щеке мужчины.

Это был ее стандартный ответ. На любой вопрос, которые они ей задавали. *До* видел, как мужчина смотрел на *После*, словно в ней и отражалась вся его жизнь. А может для него и правда вся жизнь была в его любви. *До* этого не знал и не понимал. Он не знал жизни или просто ее забыл.

– Я люблю тебя, Мириам, ты же знаешь?

Дэниэл прильнул сильнее к ладони девушки и закрыл глаза. По его щеке скатилась слеза. *После* была благодарна ему за сдержанность и спокойствие. Больше всего она не любила упертых. Они заставляли ее сомневаться. В себе.

Она потянула мужчину за собой в один из появившихся поворотов коридора. Он пошел, не сопротивляясь. На углу они остановились, и он снова поднял глаза на *После*. Она все

еще была Мириам. Его Мириам. И ему нужно было сказать ей «прощай». Дэниэл сделал шаг к *После* и поцеловал, аккуратно пропуская через пальцы кончики ее волос. На удивление *До* она не отшатнулась, не отошла и не дернулась, как она часто делала, когда он ее касался.

Дэниэл снова отступил на шаг. Улыбнулся. И исчез. *После* сразу же вернулась к своему облику, привычно поправила отвороты зеленого пиджака, заправила несколько прядей волос за уши и, наконец, повернулась лицом к *До*.

Касания значат прощание.

– Так происходит со всеми? – нарушив молчание, спросил он, когда *После* уже подошла к стене и продолжила распределять имена.

– Нет, только с теми, у кого слишком сильная привязанность к этой жизни.

До неловко сглотнул и сильнее прижал к себе мирно спавшего ребенка.

– Да, ее я тоже когда-то проведу, – тихо произнесла *После*, не поворачивая головы.

Она знала, он поймет, о чем она.

– А как ты выбираешь, в чьем образе провозжать их?

До всегда умел сменить неудобную для него тему, переключаясь на что-то, что его касалось в меньшей степени. *После* пожала плечами и потупила взгляд. Ее никогда об этом не спрашивали. И она сама не задавалась вопросом, как именно выглядит в глаза каждого, кто переходит.

– А как я выглядела?

– Как любовь его жизни.

Наверное, это и был ответ. Не она выбирала облик, переходящие делали это за нее. Они звали ее разными именами, и почти все она помнила наизусть.

– Странно смотреть на это в первый раз спустя столько лет, – через некоторое время произнес *До*, удивляясь тому, как долго впервые находился в коридорах *После*.

Он боялся этого места, переняв страх у людей. Хотя он и знал, что дальше не конец, а долгий путь, он все равно его пугал неизвестностью. На стороне *После* он чувствовал, будто стоит на краю обрыва, с которого должен добровольно шагнуть в пустоту. Ребенок на его руках напоминал ему о том, что он еще не должен делать этот шаг. Но время скоро придет.

После чувствовала, как от *До* запахло страхом. Для нее этот запах был приторно сладким, от него всегда першило в горле. Поэтому она старалась проводить людей по коридору быстрее, чем этот приторный шлейф оставался на ее стенах.

Но *До* она ничего не сказала. Лишь чуть сжала его плечо в знак поддержки. Этот жест, как и многие другие, она подглядела у людей. *До* заметил, что это был первый раз, когда *После* к нему сама прикоснулась. Возможно, ей тоже было страшно.

– Ты когда-нибудь заглядывала за угол своего коридора? – спросил он, прикасаясь щекой к ладони *После*, все еще ле-

жащей на его плече.

Она тут же отдернула руку и сунула ее в карман пиджака. *До* это вовсе не смутило, он лишь вымученно улыбнулся. Она отрицательно покачала головой.

– Хочешь оттуда посмотреть на следующий мир?

– Да, было бы любопытно, – наигранно мечтательно произнес он, поглядывая в сторону одного из поворотов коридора, – вдруг я окажусь там после этой работы.

– Я не смогу увидеть, куда тебя распределяют, пока не придет срок, *До*.

Она смахнула два сцепленных имени вправо. Близнецы. Переход в один день. В следующий мир.

– Да знаю. Я и не прошу, – хмыкнул *До*, отводя взгляд от стены и переводя его на *После*, – думаешь, ты правда там уже бывала?

Она смахнула еще несколько имен.

– Ты ведь уже много раз спрашивал об этом.

– Мне просто нравится слушать твои воспоминания. Моих ведь мне не оставили.

Он опустил голову, посмотрел на свои кеды и щелкнул пальцами. Обувь сменилась на черные кроссовки, джинсы – на спортивные серые штаны, а рубашка – на зеленую футболку. Смена одежды его успокаивала. *После* кинула на него быстрый взгляд и хмыкнула. Он всегда подбирал цвет под нее. И хоть она никогда ему об этом не говорила, ей это нравилось.

– Я сомневаюсь, что это мои воспоминания. Я просто почему-то знаю, как выглядит следующий мир.

– Думаешь, дальше есть и другие? – спросил *До*, внимательно рассматривая торчащую ниточку из его футболки.

– Почему ты стал так интересоваться переходом?

– Потому что он близок.

После застыла, занеся руку над очередным именем. Кларисса. Менеджер. Бабушка семи внуков. Любит поджаренный хлеб. Любила.

До никогда не был таким, как сейчас. Она повернула к нему голову и посмотрела так, словно видела его впервые. Как в тот самый момент, когда они действительно увидели друг друга в первый раз. В середине серого коридора. Слишком много человеческих лет назад.

До тогда разобрался во всем гораздо быстрее *После*. Она же в тот момент не могла привыкнуть к телу, все движения выходили неловкими, а стены были облапаны ее взмокшими ладошками, когда она училась не падать.

«Не нужно так махать этими частями тела, когда идешь», – вздохнул *До*, поднимая *После* с пола, – «у тебя выходит не очень ловко».

Их появление его тогда не напугало так, как *После*. Он научил ее ходить и выяснил, как щелкать пальцами, можно было менять ткань и полностью весь свой облик. Щелканьем он и занял себя на ближайшие сто человеческих лет. Менял одежду, волосы, возраст, цвет кожи. *После* же все было чуж-

до. Плач и хныканья со стороны коридора *До* заставляли ее вздрагивать, как и сам *До* в активные моменты.

Тогда была напугана она. Теперь пришло его время.

– Я возьму тебя за руку, когда тебе нужно будет пройти здесь, – вдруг сказала *После*, глядя на смутившегося от своего откровения *До*.

Он слабо улыбнулся, продолжая нервно дергать торчащую нитку. За время своей работы они оба переняли слишком много человеческого, не зная, хорошо это было или плохо. Вдруг ребенок, лежавший на руках *До*, исчез, а пеленка, упав на пол, растворилась. *После* дернулась и отошла на пару шагов.

– Что произошло? – удивленно переспросила она, машинально бросая взгляд на стену и боясь увидеть там имя малышки.

До громко рассмеялся, и его смех глухо отразился от стен.

– Она родилась, – пояснил он, – иногда я держу на руках тех, кто никак не может появиться. Причины бывают разными. И люди там сами пытаются с ними справиться, хоть и не всегда удачно.

После внимательно слушала, впервые заинтересовавшись тонкостями работы *До*.

– Чтобы малыши не пугались или не плакали в переходе, я беру их на руки. Иногда они напоминают мне тебя в самом начале.

– Это еще почему?

После недовольно хмыкнула, раздраженная подобным сравнением. Она, конечно, имела опыт с детьми, и все были разных возрастов. Вечно потерянные, но почему-то всегда более спокойные, чем взрослые. *После* даже не всегда появлялась перед ними, они сами находили дорогу и не нуждались в помощи, словно всегда знали, куда нужно идти.

– Потому что они были такими же потерянными, как и ты, когда мы впервые встретились, – ответил *До*, облачаясь спиной на стену.

В руках у него появился темнокожий малыш с родимым пятном на тыльной стороне ладони. Он спал, крепко схватившись пальчиками за край своей пеленки.

– Ему тяжело родиться, потому что у его матери проблемы со здоровьем.

До вытер текущую слюну с пухлой щеки ребенка.

– Откуда ты знаешь, что у него получится родиться? – спросила *После*, с любопытством разглядывая маленького человека.

В руках *До* он пугал ее чуть меньше.

– Просто знаю. Знаю это как только чувствую их появление.

В повисшей тишине *До* снова щелкнул пальцами. Белый свитер крупной вязки. Светлые джинсы. Босые ноги. И к его удивлению *После* повторила его движение за ним. Белый свитер с высоким воротом. Широкие светлые джинсы. Босые ноги.

– Ты изменяешь своим привычкам.

Он улыбнулся, трогая свободной рукой ткань свитера *После*.

– Колется, – тихо констатировал он и улыбнулся еще шире.

Ребенок на его руках исчез.

– Хочешь посмотреть на мой коридор?

После подняла на *До* взгляд полный сомнения. Ей не нравилось покидать свою часть коридоров. Здесь она чувствовала себя на нужном месте. Своем. А все пространство *До* напоминало ей о начале их работы.

Но ведь в конце пути всегда думаешь о начале.

До протянул *После* ладонь, но она ее так и не приняла.

– Ладно, – сдался он, – возьмешь за руку, когда я умру.

– Да не смерть это, – проворчала *После*, следуя за ним по коридору, – сколько раз можно повторять.

До усмехнулся, но промолчал. По мере того, как они проходили длинные пустые коридоры, *После* все больше чувствовала себя неудобно. На середине пути – длинном открытом участке с прозрачными стенами, через которые можно было наблюдать за человечеством – она резко зажмурилась и прошла оставшуюся часть с закрытыми глазами. Когда *До* чуть притормозил, она вцепилась ему в спину, ударив лбом между лопаток. Они оба пошатнулись и чуть не рухнули на пол.

– Когда выходишь из своего коридора, стоит идти с откры-

тыми глазами, – проворчал *До*, разминая ладонями плечи.

Последние лет сто его донимала боль в пояснице и иногда в плечах.

– Я, – начала было *После*, сомневаясь стоит ли говорить то, что покажется ее напарнику глупостью, – я боюсь смотреть на их жизнь.

До замер, резко опустив руки вдоль тела.

– За все это время ты ни разу не взглянула?

Она отрицательно помотала головой.

– Ни разу не посмотрела, что они там делают?

Она снова покачала головой.

– Мне хватало воспоминаний переходящих, чтобы понять, как все у них устроено, – попыталась оправдаться она, но вышло неубедительно.

– Но как же...

До никак не мог в это поверить. Он провел так много человеческого времени просто глаза в прозрачные стены. Как *После* могла такое пропустить? Прозрачный участок коридора манил его своей свободой.

Только напротив этого огромного мира *До* узнал, что такое зависть, которую он вдруг ощутил в себе в одно из миллионов мгновений. Неприятная мысль зародилась в нем, отравляя все любование. Он хотел быть со всеми этими людьми. Хотел понять все, что они чувствовали. Хотел хотеть того, что и они. Хотел дышать тем же, что и они. И хотел любить, как многие из них. Его знакомство с человеческими

эмоциями всегда проходило тяжело.

Ему не с кем было обсудить то, что в нем творилось. И чем ближе подходило время его собственного перехода, тем мрачнее становилось его существование. Он вдруг захотел остаться в своем коридоре, хотя всегда завидовал людям и их возможности жить. Теперь же он понял, что ко всему слишком сильно привязался, словно настоящий человек. У него была работа, которая ему нравилась. Прозрачные стены, которые давали ему возможность наблюдать за всем и сразу. У него была *После*, над которой ему нравилось подшучивать. Он подцеплял у людей фразы и вставлял в разговоре с ней, интуитивно надеясь, что их диалог вдруг станет похож на человеческий. Но она всегда этому сопротивлялась. Из-за чего подобные разговоры становились лишь пародией на жизнь, о которой мечтал *До*.

– Я знаю, что если посмотрю, то мне станет интересно, – прошептала *После*, натягивая рукава свитера, полностью пряча ладони, – а когда становится интересно, невозможно оторваться от зрелища. А я здесь не за этим.

Она заметила, что ее слова задела *До*.

– Невозможно оторваться, – повторил он, поворачиваясь, чтобы продолжить путь к своему коридору, – и правда... невозможно.

После не сразу за ним последовала, борясь с вдруг возникшим желанием вернуться к прозрачным стенам. *До* все больше становился похожим на людей. На тех, кого она про-

вожала. На тех, кто так усердно не хотел уходить. Еще пару-тройку человеческих столетий назад *До* постоянно ныл, что хочет перехода, что хочет увидеть следующий мир, и что этот ему наскучил. Он бесконечно задавал ей вопросы.

– *А там люди такие же? И ведут себя также?*

Вопросов от него было так много, будто он считал, что *После* помнила все. Но она не помнила, а лишь знала, что примерно их ждет в другом мире. Иногда ей казалось, что она прожила там целую жизнь, а иногда, что все знания в нее просто были вложены. Так же, как в *До* были заложены знания о том, как люди приходят в этот мир. Ему нравилось посвящать *После* в тонкости появления человека, но она не всегда хотела его слушать. А сейчас она поняла. *До* больше не хотел уходить.

Она нагнала его на повороте в коридор, откуда слышались возня и детский смех. *До* сидел на корточках рядом с каким-то малышом и щекотал его.

– Не слишком ли он большой для того, кто еще не родился? – удивленно спросила *После*, рассматривая коридор и после возвращая взгляд на ребенка.

– Иногда я позволяю им быть в том возрасте, в каком они хотят. Чаще всего они выбирают возраст до лет пяти, по человеческим меркам.

Из пустоты вдруг образовалось сразу трое детей с совершенно одинаковой внешностью трехлетних. *До* радостно их поприветствовал, поочередно обняв каждую из белокурых

девочек. Все они были одеты в простые белые хлопковые платья ниже колен, но у каждой был свой маленький узор на краю юбки.

– Когда рождается сразу трое – это всегда надолго, – объяснил *До*, все еще стоя спиной к *После*, – они меняют свой возраст, потому что еще не понимают, что вообще такое – старение.

Он повернулся к *После*, удерживая на руках одну из девочек, которая счастливо теребила ворот его свитера.

– Так как они слишком приблизились к рождению, то им стали доступны ближайшие несколько лет. У тех, кто приходит к тебе, нет подобных ошибок с возрастом?

После осторожно обошла еще пару детей и нашла себе пустой участок коридора, где бы никто к ней не полз.

– Иногда есть те, кто чувствует, что пришло их время перехода. Они могут это почувствовать за несколько лет или дней, – она скрестила руки на груди и облокотилась на стену, – И тогда я знаю, что они готовы к переходу, хотя их время еще не подошло.

– Не самое лучшее чувство, – прошептал в ответ *До* так.

После лишь пожалала плечами. Они оба чувствовали, что скоро наступит их переход. Вот только они стали по-разному к этому относиться. *До* позволил одной из тройняшек сесть ему на шею и запустить маленькие ладошки в его волосы, хотя его губы непроизвольно дернулись от прострелившей боли в спине, которую *После* не заметила. Две другие девоч-

ки просто стояли рядом с ним, несмело держась кончиками пальцев за его штанины. *После* дернула плечами, словно ощущая эти прикосновения на себе.

– А ты видишь, какими они будут, когда они касаются тебя? – вдруг спросила она, не удержав своего любопытства.

До улыбнулся.

– Все мельчайшие детали вплоть до их предпочтений в одежде.

– И даже, когда... – она не закончила вопрос.

– И даже, когда им придется прийти к тебе.

Придется прийти к тебе.

– Иногда им даже не нужно выходить из коридора, чтобы уйти от меня и прийти к тебе.

– Тебя расстраивает, что они сразу идут ко мне? – спросила *После*, опуская взгляд в пол.

– А тебя разве нет?

Она не сразу нашла, что ответить.

– Я никогда об этом не думала, – призналась она, – их ведь ничего не держит. В отличие от других. Они еще ни к чему не привыкли. Им эти коридоры более знакомы, чем мир, в котором им не удалось пожить.

До молчал. Он сел, помог малышке слезть с его шеи и позволил ее сестрам забраться к нему на колени. Дети успокаивались рядом с ним. Они перебирали маленькими ладошками его одежду или волосы, ползали на нем и искали ласки.

– *До*... я ведь просто переход, – прошептала *После*, впер-

вые оправдываясь, – но не конец.

Он кивнул, глядя одну из девочек по волосам.

– Знаю, *После*. Знаю. Но здесь для них это значит конец.

Он заметил, как она ссутулила плечи и чуть опустила голову, закрываясь от него. Как бы она не хотела быть непохожей на людей, она становилась их точной копией. Ей захотелось вернуться в свой коридор. В место, где она чувствовала себя собой. Не человеком с вдруг возникшим перед *До* чувством вины.

Она испугалась того, как его слова на нее повлияли. Испугалась, как она сама на это отреагировала. Она хотела перед ним оправдаться. Оправдаться за то, в чем была не виновата.

– Они видят в тебе кого-то из своих родителей? – спросил *До*, поднимая взгляд на *После* и разрушая застрявшее между ними молчание, – кого-то, кого они любят?

– Нет, иногда они меня совсем не видят. Потому что им некого представлять.

После неловко зажала в кулак край свитера и посмотрела на *До*. Она изучала эмоции на его человеческом лице и была удивлена тому, что впервые изучала его так пристально. Словно прежде она смотрела как-то вскользь, не задерживая взгляд.

– Значит, больно только тем, кто остается *там*?

После оставила этот вопрос без ответа. Она не знала, как себя чувствовали те, кто не проходил ее коридор. Она лишь знала тех, кого провожала. И вот им было грустно. Особен-

но тем, кому очень не хотелось уходить. И несмотря на то, что их ждал следующий мир, они бы все променяли его на возможность остаться с теми, кто скрасил их жизнь в этом. *После* оттолкнулась от стены, собираясь вернуться в свои коридоры. Здесь, рядом с *До*, было слишком много шума. И жизни.

– Мне пора вернуться за работу.

Она не обернулась, когда *До* позвал ее. Она шла к себе. Бежала. Как самый настоящий человек.

После остановилась перед прозрачной частью коридора, собираясь с силами, чтобы в очередной раз закрыть глаза, проходя этот участок. Она сделала несколько шагов, скрыв лицо в ладонях и борясь с желанием подсмотреть за человеческой жизнью. Но впервые за долгие годы ее любопытство победило страх. *После* широко распахнула глаза, задержавшись в середине коридора. Солнечные зайчики прыгали по полу и потолку. *После* судорожно вдохнула, словно готовясь нырнуть в воду, и повернула голову в сторону одной из прозрачных стен. Пляж заливало закатное солнце, работники убирали шезлонги и зонтики, отдыхающие медленно собирались уходить. У самой кромки воды стояла девушка, зарываясь босыми ступнями в мокрый теплый песок. Волны касались ее щиколоток, щекотали ее кожу пеной и убегали обратно. Легкий соленый ветер трепал края ее белых брюк.

После зажмурилась, ощутив незнакомое ей чувство, поднимающееся откуда-то из груди. Оно жгло и мучило, проби-

раясь выше и оседая комком в горле. Ей не должна была быть известна человеческая зависть. Но она ее испытывала, в полном ее проявлении, как ребенок, впервые столкнувшийся с несправедливостью.

Когда она открыла глаза за стеклянной стеной был уже другой вид. Мужчина лет шестидесяти играл в шахматы со своим внуком на крыльце небольшого серого домика с чуть скосившимися окнами. Ребенок увлеченно пытался доказать, что его слон сейчас точно срубит дедушкину пешку и уж тогда-то он точно выиграет эту партию. Дедушка легко щелкнул мальчика по носу, усыпанному веснушками, и улыбнулся. *После* нехотя дотронулась до своего носа, надеясь почувствовать то, что почувствовал ребенок. Чужую любовь в ее шуточном проявлении. Легкость и привязанность к кому-то. Она снова зажмурилась и спустя пару мгновений открыла глаза.

Прозрачную стену захлестывал дождь. Неоновые вывески отражались в глубоких лужах по краям дороги. На бордюре под одной из вывесок сидел парень лет двадцати. Его одежда промокла насквозь и теперь грузом висела на его дрожащем теле. *После* знала этого человека. Именно им не так давно ее видела рыжеволосая девушка, проходившая по ее коридору. Саймон. Так она назвала *После* и поцеловала. Поцеловала и исчезла за поворотом, за которым скрывался ее следующий путь. А его путь все еще был в этом мире. Без нее.

После отшатнулась от стены и уперлась спиной в противо-

положную. *Может, нужно было найти возможность вернуться к нему? Может, нужно было не пускать ее к проходу, а провести каким-то другим путем?* Парень за прозрачной стеной поднял взгляд в сторону проезжавшей по дороге машины, но *После* показалось, что он смотрел на нее. Смотрел и осуждал.

– Прости.

– Прости.

– Прости.

Шептала *После*, впервые прося прощения за свою работу. Впервые сомневаясь в правильности ее места. Впервые сомневаясь в себе. Она вдруг почувствовала, как намокли ее щеки. С опаской она дотронулась до лица и ощутила влагу на пальцах.

Слезы.

Человеческие.

Она коснулась кончиками пальцев ресниц, затем провела невидимую дорожку от глаз к губам. Кожу слегка пощипывало. *После* облизнула губы и впервые почувствовала что-то на вкус. Соленые. Чуть горчат. Она не знала, что у слез есть вкус. Она даже не знала, может ли плакать.

Смотреть на это было совсем не так, как ощущать самой. Бесчисленное множество людей плакали в ее коридорах, размазывая слезы по лицу. Но она не знала, что когда-то в коридоре будет плакать и она сама.

Поглощенная мыслями, *После* даже не заметила *До*. Он

стоял в паре шагов от нее и внимательно изучал ее лицо. Детские слезы были ему привычны. Но слезы *После* лишили его всех знакомых ему эмоций. Он знал, как утешать, но не знал, что когда-то придется утешить *Ее*.

– *После*? – осторожно спросил он, делая маленький шаг в ее сторону.

Она резко вскинула голову, и свет от прозрачной стены заставил ее слезы сиять.

– Давно?

После молчала.

– Давно ты стала такой? – почти прошептал *До*, впервые почувствовав, как его кожа покрывается мурашками. Как липкое ощущение ползет по спине и добирается до головы. Как он впервые испытывает страх.

– С их последней всеобщей Беды.

До прерывисто выдохнул. Когда он думал, что испытывает страх перед переходом, тогда это был не страх. Вот теперь он его чувствовал. В каждом участке тела, в дрожи пальцев, в желании вытащить что-то из груди. Переход становился чем-то все более реальным. Чем-то больше, чем просто разговоры о нем.

До молчал не в силах отвести взгляд от лица *После*.

– Сначала мне казалось, что это пройдет.

– Но становилось только сложнее... – продолжил за нее *До*.

После подавленно кивнула.

– Провожая их, я все думала, что если...

– Ты не могла помочь, *После*. Никому из них.

– Ты не слышал, как они умоляли...

После вдруг схватилась за край свитера.

– Их прикосновения остаются со мной, – едва слышно сказала она и подняла ткань до груди.

На талии *После* виднелись яркие сияющие серебром отпечатки ладоней. Они уходили дальше на спину.

– Касания значат прощания, – повторил *До* ее частую фразу, – и ты помнишь каждое из них.

Он медленно обошел *После* и увидел серебристые отпечатки на лопатках и пояснице. Он осторожно взял ее ладонь, давая ей время на то, чтобы отдернуть руку. Но *После* лишь сжала его ладонь в ответ. *До* поднял ее рукав до локтя, следя за сиянием следов.

– Это проявилось не так давно, – попыталась оправдаться *После*.

– С Беды прошло достаточно времени.

– По их меркам даже ста лет не прошло, – отмахнулась она, – что для нас их...

– Сотня лет? Для нас – ничего, но теперь для тебя это ощущается, да?

Она опустила край свитера свободной рукой и отпустила ладонь *До*.

– Тебе стоило уйти.

После взглянула вокруг, будто не замечая его слов. Теперь

мир людей был ей интересен.

– Ты был прав. Правда, невозможно оторваться.

На глаза *До* навернулись слезы.

– Как только это началось, ты должна была уйти!

До говорил о работе и долге, но думал он совсем о другом. О том, что *После* чувствовала, оставаясь одной в пустоте своих коридоров. О том, что ей было страшно, а он этого не замечал из-за своей игры. О том, что они могли поговорить об этом раньше.

– Знаю. Зря я не приходила сюда раньше.

До схватил ее за плечи, впервые позволяя себе так вторгаться в ее пространство.

– На твое место пришел бы другой. Он бы не стал сомневаться в переходе!

– Я не хотела уходить без тебя.

До замер, все еще вцепившись *После* в плечи.

– Я видела, как ты становишься человеком. Как тебе страшно. Как ты им завидуешь.

Из груди *До* вырвался всхлип. Честный, искренний, будто у впервые плачущего ребенка. Он уткнулся лбом *После* в плечо. И она впервые его обняла, прижимаясь всем телом, обхватывая руками его спину, позволяя ему касаться ее. Она почувствовала и неожиданно осознала, что прикосновения к *До* станут самым тяжелым прощанием.

До зарылся пальцами в ее свитер, пряча заплаканное лицо в изгибе ее шеи, как всегда, делали дети у него на руках. *Как*

делали люди.

– Я пообещала себе проводить тебя задолго до того, как сказала это вслух.

Она чувствовала, как от беззвучных слез по спине *До* прошла дрожь.

– Я так боялся, что придется уйти без тебя.

После в удивлении застыла, прекратив гладить *До* по волосам.

– Что?

Он продолжал стоять неподвижно, обнимая *После* и в тайне радуясь этой возможности. Когда пауза затянулась, он вздохнул и отстранился.

– Ты ведь все знал?

До поправил свитер на плечах *После*.

– Это было легко скрыть от тебя.

Он снял невидимый мусор с ее рукава, продолжая игнорировать ее слова. *После* показалось, что перед ней стоял совсем другой *До*, не тот, которого она знала. В заплаканных глазах больше не было искорки веселья, он словно резко повзрослел, как один из тех детей, которые в его коридоре вдруг меняли свой возраст.

После отступила на шаг.

– Как давно?

До неловко засунул руки в карманы джинсов. Совсем как человек.

– Как давно, *До*?

После неожиданно для себя повысила голос, чувствуя странное непривычное раздражение.

– Дольше, чем ты. Гораздо дольше, *После*.

Она приложила ладонь к груди, словно человек, чувствующий учащенное биение сердца. Вот только ни у *До*, ни у *После* сердца не было. Но ощущения были.

До кивнул.

– Ты еще многое успеешь посмотреть. Люди удивительны.

Видела их склонность к разрушениям?

– Но как же ты... – *После* показалось, что она задыхается.

– Знай ты, что я уже давно почти человек...

– Я бы тебя проводила.

После молчала, пытаясь разобраться, почему она не заметила в *До* изменений раньше. Почему ей стало все очевидно только сейчас. Когда она стала такой, как он.

– Да, как очередного человека. А на мое место пришел бы другой. Но я не хотел умирать.

– Переход – не смерть.

– Хватит это повторять.

После не знала, куда ей деться. Тело словно перестало слушаться. Она комкала во взмокших ладонях край свитера.

– Я достаточно провел времени, чувствуя себя человеком, чтобы видеть в переходе только смерть.

В коридоре воцарилась тишина. За прозрачными стенами разворачивалась чужая жизнь, но теперь *До* было тошно смотреть на нее. *После* опустилась на пол.

– Мне трудно дышать, – тихо сказала она, кладя голову на согнутые колени.

– Это пройдет. Просто ты становишься человеком быстрее меня. И не сразу можешь со всем справиться.

До начал медленно массировать левое плечо. В какой-то момент его лицо непроизвольно дрогнуло от неприятного ощущения в теле.

– Тебе, – *После* запнулась, – больно?

– Не могу долго возиться с детьми. Руки болят.

Она дотронулась до его плеча, не понимая, как это – чувствовать боль.

– Но хуже всего даже не это.

До посмотрел на *После* и грустно улыбнулся. Она знала эту улыбку. Ей так уже улыбались. *А потом плакали.*

– Я стал забывать твои лица. И то, как я учил тебя ходить.

С губ *После* сорвался выдох. В груди, там, где у людей было сердце, что-то неприятно защемило. В горле щекотали слезы, и она не знала, что люди умеют их контролировать. *После* оттянула ворот свитера, будто это он мешал ей дышать.

Она снова подняла на *До* взгляд. Испуганный. И почти человеческий.

– А страх, радость, жадность, зависть, желание, – стал перечислять *До*, загибая пальцы, – привязанность... и любовь мне знакомы.

– И ты это чувствуешь?

В ответ *До* лишь неловко хмыкнул и посмотрел в сторону одной из прозрачных стен. Он не сказал *После*, что ему стало сложнее смотреть на человеческие жизни. Большая часть из них теперь напоминала лишь смазанные рисунки за стеклом.

До все еще не повернул головы, но боковым зрением следил за тем, как меняются эмоции на лице *После*. Ему хотелось ее поддержать и даже утешить, но у него не было сил на утешение. Когда он один чувствовал, ему казалось, что до перехода еще далеко и все можно скрыть. Но не теперь. Не теперь, когда *После* тоже становилась человеком. Не теперь, когда время каждого из них было на исходе.

– Они ведь ничего не помнят после перехода? – спросил он после недолгого молчания.

После отрицательно покачала головой. Он уже спрашивал ее об этом. Множество раз. Будто надеясь, что однажды ее ответ изменится.

– Ничего. Забвение – единственное их утешение.

– Я хочу помнить. Хочу помнить тебя.

После знала эту интонацию. От нее ее кожа всегда покрывалась мурашками. Люди в ее коридорах не всегда были спокойными. Иногда они злились, пытались вернуться, проломить стены, ударить саму *После*. И когда они злились, всегда использовали эту же интонацию. Чуть с издевкой, ледяную и жестокую. Им всем было за что держаться в жизни.

– Всем в твоём коридоре есть, что терять. И мне тоже.

После молчала. Крупные капли чертили мокрую дорожку

на покрасневших щеках. *До* вздохнул, чуть придвинулся к *После* и коснулся кончиками пальцев ее ладони. Первая ее реакция была предсказуемой. Она собиралась сбросить его руку, как делала это всегда. Но в следующий миг она перехватила его ладонь и переплела их пальцы. Касания значат прощания. Она не понимала, что с ней происходило, не понимала, почему тряслись руки, почему тяжело дышать и почему так страшно было отпустить *До*. Все знакомые ей чувства смешивались и сводили с ума.

Она не могла отличить физическую боль от эмоциональной и впервые чувствовала себя загнанной в угол. В воспоминаниях одно за другим всплывали моменты их с *До* работы. Теперь и она боялась забыть. *После* знала, что нужно идти в ее коридор. Что их время пришло. Что они должны были уйти как только начали становиться людьми.

Она знала, но чувствовала совсем другое. Она впервые стала жалеть об упущенных объятиях. О возможности смотреть сквозь стеклянные стены. О том, что нужно было рассказать *До* раньше о том, что ее тревожило.

– Мы пришли сюда пустыми, – сквозь слезы прошептала *После*, – и должны были уйти такими же.

До отрицательно покачал головой, придвигаясь ближе.

– Мы не знаем, какими должны были уйти отсюда. Мы лишь выполняли свою работу.

После вдруг потянулась к *До* и обняла за шею. Крепко. Как обнимали ее люди перед переходом, представляя на ее

месте своих любимых. Но теперь это было ее объятие. *Ее и только ее*. И это она приняла решение обнять кого-то. И это она хотела, чтобы этим кем-то был *До*.

До ответил на объятие так быстро, будто ждал этого момента все свое существование.

– Когда придет наше время, ты это почувствуешь?

– Да.

До обнял ее еще крепче, пропуская между пальцев кончики ее волос.

– На что это будет похоже?

– На то, как у человека разбивается сердце.

– Все-таки ты набралась у людей красивых фраз, – сквозь улыбку сказал *До*, кладя голову на плечо *После*.

Они не знали, сколько времени просидели вот так на полу, обнявшись посреди прозрачных стен. Может, прошли сотни человеческих лет, а может, лишь несколько секунд, показавшихся вечностью. Но их время уже пришло. В груди *После*, с левой стороны, что-то кольнуло. Сердце, которого у нее не было, но которое она теперь чувствовала.

– Нам пора.

Она поднялась с пола первой, протянув руку *До*. Как и обещала. Он крепко взялся за ее теплую, но влажную ладонь. *После* шла чуть впереди, увлекая его за собой вглубь своих коридоров. Чем ближе был нужный поворот, тем сильнее она сжимала руку *До*, боясь потеряться там одной. Впервые она не спешила кого-то проводить и избавиться от необходимо-

сти касаться и успокаивать. Она шла медленно, изредка касаясь кончиками пальцев свободной руки своих стен. Прощаясь с ними.

– И не жаль тебе, что все заканчивается? – тихо повторил *До* вопрос, который *После* сама задала ему не так давно.

– Жаль.

Они остановились около нужного поворота. Из-за угла было видно неяркое свечение. *После* вдруг развернулась и потянула *До* за собой, но он продолжал стоять на месте.

– Я хочу посмотреть, куда мы будем определены. В какую сторону, – взмолилась *После*, держа его ладонь обеими руками.

– Это не имеет значения. Та сторона или другая.

После еще раз обернулась к своим коридорам. *Кто придет после нее? Кто придет после них?*

– Это просто переход, – *До* вновь повторил слова *После*, – но не конец.

Он коснулся губами ее лба, оставляя невесомый поцелуй. Поцелуй, который он дарил детям перед рождением. Поцелуй, который он теперь всецело дарил *Ей*.

– А конца не существует без начала.

И тогда коридор опустел.